

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Н.В. Сторчеус

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.12.13592

ИСТОРИОСОФСКИЕ ИДЕИ «РУССКИХ БАДЕНЦЕВ» В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. Задачи историко-философского исследования непосредственно связаны с изучением рецепции отечественной философской мыслью достижений мировой философии. Поэтому актуальной остается область исследования, в которую входит русское неокантианство, поскольку осмысление отечественной истории в обязательном порядке предполагает реконструкцию каждого из историософских построений, обозначающего определенную перспективу, аспект исторического процесса и имеющего смысл лишь включенным в общую картину. Объектом нашего исследования является творчество С.И. Гессена, Ф.А. Степуна, Б.В. Яковенко, а их мысли об исторической судьбе России составляют предмет настоящей статьи.

Методология исследования предполагает комплексный историко-философский анализ имеющихся источников. Кроме того, были использованы методы: индуктивный (от частных сюжетов – к общей картине); биографический метод – исследование жизненной и идейной траектории авторов, воплощающаяся в личных документах, где находит свое выражение личное отношение к переживаемой и или пережитой общественной ситуации; компаративный, который осуществляется через сопоставление трудов мыслителей как в рамках одной философской школы, так и с философскими школами, исторически близких исследуемой; логический метод и общие принципы историко-философской науки прослеживание генезиса идей, их взаимообусловленности и взаимосвязи.

В свете всегда актуального вопроса о смысле исторического действия мысли об исторической судьбе России, высказанные С.И. Гессеном, Ф.А. Степуном, Б.В. Яковенко также имеют характер несомненной актуальности. В данном исследовании показано, что термин «историософия» приобретает дополнительную коннотацию и понимается как целостный взгляд на историю в аспекте исторических судеб России, ее предназначении, которому свойственен выход за рамки как собственно исторической науки, так и философии.

Ключевые слова: Баденская школа, неокантианство, русская философия, философия истории, историософия, Ф.А. Степун, Б.В. Яковенко, С.И. Гессен, В. Виндельбанд, Г. Риккерт.

Русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории...

(В.В. Зеньковский)

Философия истории и социальная история... – вот главные темы русской философии.

(С.Л. Франк)

Оригинальная русская мысль рождается как мысль историософическая. Она пытается разгадать, что помыслил творец о России. Каков путь России и русского народа в мире, тот ли, что и путь народов Запада, или совсем особый, свой путь?

(Н.А. Бердяев)

Вынесенные в эпиграф мнения авторитетных мыслителей показывают, что историософия в России представляет собой специфическую теоретическую форму национального самосознания, а активизация историософского творчества обычно знаменует неудовлетворенность существующей парадигмой методологии исторического исследования и предшествует её смене.

Русскую философию вообще и взгляды Степуна, Гессена и Яковенко в частности мы рассматриваем в контексте исторической и культурной реальности России начала XX в., который объясняет специфичность понятийного аппарата, посредством которого происходит упорядочивание исторических фактов у вышеназванных философов.

Безусловно, этот аппарат не может совпадать у всех троих в силу оригинальности мышления каждого, однако и у Гессена, и у Степуна, а у Яковенко это проявляется особенно ярко, ведущим понятием является большевизм. Специфическими понятиями являются свобода и труд ради труда у Яковенко, лик и лицо (святость и варварство) у Степуна и ценности и Царство Божие у Сергея Иосифовича.

В статье В.К. Кантора «Артистическая эпоха и её последствия (По страницам Фёдора Степуна)»¹ мы находим интересную трактовку историсофских идей Ф.А. Степуна, где отправными пунктами являются следующие:

- всякая нация проходит определённый путь взросления, продолжительность и этапы которого несколько не зависят от временной продолжительности существования нации. Так получилось с Россией – на рубеже XX-го в. русская нация была всё ещё неопытна в устройстве собственной жизни. Отсюда – представление о том, что Октябрь есть наполовину социально-возрастное явление.

- причина социальных катаклизмов в России – артистизм в отсутствии творчества. До XX в. историческое поле свободы было уделом интеллектуальной элиты общества. Но вот проявила себя неизбежность появления в этом поле огромного числа людей, не прошедших школу личностной самостоятельности, и механизмы, цивилизовывавшие поведение в «поле свободы», не выдержали. На помощь массам, не умеющим справиться с внезапно обрушившейся свободой, приходит артистизм, игра, когда перенимаются повадки и внешние приметы, но нет умения усвоить те реальные проблемы, что стоят за внешним образом и манерой поведения. Народ играет мистерию с перевоплощением. Артистизм – суть национального бытия: не стать собой, а сыграть иную жизненную роль; разом, как на театре – сегодня мужик, а завтра – барин².

- историческое действо – то мистерия, где каждый – участник, даже скорее – участник, то – театр, где играют немногие, а личность по-

лучила свободу быть зрителем, который одобрит или нет игру актёра.

- мистерию ведут носители особого типа человеческого сознания – актёрской души. Эти люди художественно исполняют роль, но, действуя от своего лица, – непредсказуемы. Специфическая особенность актёрской души – способность предать, отойти от прежних предпочтений, что предопределено имманентным ей «много-душием» (термин Ф.А. Степуна). Выбирая для реализации одно – предаёшь и превращаешь в призраки другие возможности.

- энергии и вдохновения «водителям мистерии» хватает на сорок лет. По истечении этого моисеевского срока мистерия превращается в формализованный театр, и рампа вновь дарит свободу быть зрителем: стиль предыдущей эпохи становится сутью новой.

Если характеризовать отношение Степуна к истории в целом, то его кредо – сатанизму этого мира противостоит Божье утверждение свободно-го человека как религиозной основы истории³.

Здесь он демонстрирует вполне «баденские» взгляды, в основе которых – учение о ценностях. Например, анализ его статей «Трагедия творчества», «Освальд Шпенглер и «Закат Европы»⁴ даёт нам такую картину:

- отправная точка – учение о ценностях состояний и предметных ценностях как формах единства и множественностях экстенсивного и интенсивного характера. Предметные ценности – культурное творчество, активное действие; эта форма единства никогда не является положительным всеединством, так как является отрицающим множественность. Объединяющий центр формируется путем удаления от объединяемого. Эти ценности могут быть разложены на почве закона противоречия; в отношении такой ценности возможно привнесение такого момента, в сочетании с которым эта ценность меркнет. К ценностям состояний относится переживание, творчество жизни – сфера пассивного, где возможно положительное всеединство духа. Объединяющий центр этого единства лежит в одной плоскости с объ-

¹ Кантор В.К. Артистическая эпоха и её последствия (по страницам Фёдора Степуна) // Вопросы литературы. 1997. № 2.

² «...подмечено крестьянское чувство, как будто бы они, мужики, судьбой и историческим ходом событий принуждены осуществлять зло и причинять господам боль». (Степун Ф.А. Письмо Л.Ф. Зурову. Мюнхен, 14 апреля 1959 г. (Библиотека-фонд Русское зарубежье. Ф3, оп.1 к.2 ед. хр. 132).

³ Степун Ф. Мысли о России. Очерк V // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 354; 272.

⁴ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Вступ. ст., сост. и комм. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. 807,(9) с.

единяемым, не отдаляясь от него; антиномии здесь невозможны.

- поскольку отличительной особенностью истории (в сравнении с искусством и философией) является её большая близость к жизни, то есть к ценностям состояния, а требования научности «разворачивают» историю к предметным ценностям, то история как наука, как система знаний, всегда будет ареной споров и дискуссий. К такому выводу Степун ненавязчиво подводит читателя. В качестве иллюстрации крайней позиции мыслитель приводит мнение Шпенглера: история не может быть наукой, в противном случае произойдёт обезличивание индивидуальных образов отдельных культур мёртвыми схемами вымышленных общезначимостей; культуры рождаются, проходят путь жизни до цивилизации (от живого творчества к мёртвой работе) и умирают.

Вариантом формулировки историософской концепции Степуна является статья Повилайтиса В.И., который считает, что сущность исторического процесса по Степуну заключается в постоянном переоформлении сверхисторического содержания жизни, что смысл человеческой истории заключается в реализации связи между абсолютным и относительным, небесным и земным, Богом и человеком. Степун выделяет типические конструкции, которые составляют структуру исторической жизни и процесс ее становления. Те факты, которые остаются вне этой конструкции – лишь отражение простых, натурально-биологических процессов. Степун не принадлежит к тем, кто считает, что любое прошлое оправданно фактом перехода из возможного в действительное⁵.

Русская революция для Степуна – точка преломления как историософской темы, так и философских вопросов вообще, так как открывала «возможность восхождения от быта через события к бытию»⁶.

Изложение сути истории, по Гессену⁷, необходимо начать с гессеновской интерпретации понятия «исторический факт». Поскольку историческое прошлое есть особый, чем-то отмеченный, избран-

ный вид прошлого, то и исторический факт не исчерпал себя в своем, во времени возникшем и во времени исчезнувшем же бытии; передался от поколения к поколению. Он не прошел, но вошел составным элементом в настоящее. Следовательно, историческое прошлое связует поколения цепью преемственности. История – есть предание.

Есть некое начало, благодаря которому прошлое можно изъять из времени, сохранить и передать. Это начало – культурные ценности, цели-задачи. «Движение в направлении этих ценностей отдаляет человека от них, оставаясь «задачами без всякого разрешения» (недостижимость от неисчерпаемости). При этом они не мнимые, т.к. в движении к ним происходит развитие: усилия, направленные на их разрешения, продолжают друг друга; достигнутое раньше сохраняется в последующем. Назовем эти культурные ценности целями-заданиями»⁸. Это начало возможно потому, что в исторической жизни человечества возвышаются сверхвременные начала, имеющие сверхличное значение. Они объединяют поколения общностью задач, в виде этих задач они предстоят человеческому творчеству. Они:

- ценны сами в себе;
- неисчерпаемы.

Такие цели-задания присутствуют во всех областях: в науке, искусстве, хозяйственной деятельности. Например, задача науки никогда не будет исчерпанной, лишь переформулируются задачи: во времена Гессена говорили – «господство над природой», сейчас – использование её (прагматизм).

Совокупность таких ценностей – есть существо культуры. Эти культурные ценности безусловны в своей значимости; безусловная значимость – называется бесконечностью, так как их значимость в каждый данный момент превышает действительность. Мыслитель считает, что история есть там, где есть культура и народ тем культурнее, чем дольше живет исторической жизнью, чем больше накопил он того непреходящего прошлого, которое сохраняясь, передаётся от поколения к поколению.

Через сложность воспитательного процесса отражается сложность человеческого бытия, человеческой истории, утверждает Гессен, поскольку воспитание – есть сложный процесс, состоящий из нескольких слоев, один поверх другого, подобно геологической структуре земной коры. Гессен выделил три пласта, или плана, человеческого бытия –

⁵ Повилайтис В.И. Что есть история? Версии русского зарубежья: монография. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 81.

⁶ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Изд-е 2-ое, испр. СПб., 2000. С. 518.

⁷ Гессен С.И. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1998. 814 с. С. 152.

⁸ Гессен С.И. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1998. 814 с. С. 154.

биологический, социальный и духовно-культурный, а в конце 30-х гг. ввёл четвёртый – это план благодатного бытия, в котором воспитание выступает как Спасение, которое осуществляется через любовь к ближнему и любовь к Богу и ведет человека к личному бессмертию. В этом высшем, эсхатологическом смысле, для Гессена образование есть «забота о смерти», забота об идущих на смену поколениях, которым передается культурное наследие, живой поток творчества. Таковы этапы истории человечества, движения от биологического бытия к Царству Божьему, в процессе которого возможны периоды упадка в духовно-культурной сфере.

Интересна интерпретация Гессеном понятия «исторический факт». Исторический факт – факт реализации ценностей, которые есть минимум трансцендентного бытия. Трансцендентное – иррациональное по сути. «Реализованная ценность – это иррациональный факт истории, который абсолютно дан, который можно только пережить, найти, вскрыть»⁹ Дальнейшие его выкладки в статье «Мистика и метафизика» приводят к следующей формулировке: смысл истории – предмет веры. «Реализация же ценностей в процессе истории, а в особенности уверенность в их реализации в будущем – есть предмет веры, преимущественно религиозной. Постольку и идея миропорядка и идея прогресса есть вера в миропорядок и прогресс, т.е. объект переживания»¹⁰.

«...все его философские спекуляции совершаются по поводу чужих философских систем, все они так или иначе прислоняются к чужому мышлению и носят предварительный и аналитический характер...Его стихия – критика и искание, – пишет Б.В. Яковенко в своей статье «Философская концепция С. Маймона» и, пожалуй, эти же слова в немалой степени характеризуют и самого Яковенко как мыслителя. Он позиционирует свои взгляды как трансцендентальный плюрализм, который утверждает равную абсолютность и многообразие сущностей, и полагает, что так можно избежать дуализма человеческого мышления. Его философская позиция предполагает отношение к философии как смыслу жизни и подтверждением этой идеи он считает тот факт «повторяющейся гибели всех государственных образований, разложившихся духовно и потерявших смысл существования»¹¹, без

философии невозможного. Что касается характеристики собственно историософских взглядов, то «к толкованию истории, как этого и следовало ожидать, он подходит с неокантианских позиций»¹².

Хранитель архива Б.В. Яковенко А.М. Шитов приводит текст карандашной наброска, где Яковенко формулирует и уясняет свою философскую позицию: «1. Мое общее представление об истории см. статью о Риккерт...»

3. Я – плюралист... А плюрализм методологически – это исходить из самого предмета, а не из понятия.
4. Я – онтологист, антипсихологист. Значит, я буду бороться со всеми возможными схемами, за аутентичность предмета, действительности...
5. Но я онтологист критический, антидогматический, идеалистический. Значит, я буду против всех форм натуралистического монизма в истории»¹³.

Вкратце его историко-философская концепция обрисована в статье «Философия большевизма»¹⁴. Здесь Яковенко определяет большевизм следующим образом:

- большевизм – это «определённая политико-социальная программа»¹⁵;
- это «государственный строй, воплощающий известную социально-политическую идеологию и программу»¹⁶;
- это совокупность учений, служащих «идейным фундаментом и оправданием, и партийной программой деятельности»¹⁷;
- «индивидуальное и общественное умонастроение...», которое характеризуется моральным постулатом, гласящим: «цель оправдывает средства» и обнаруживается во всех формах

¹² Мелих Ю.Б. Плюралистический большевизм Б.В. Яковенко: между научностью и убежденностью (Из истории социально-политических идей в России) // Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермичева. М.: РОССПЭН, 2012. 551 с.: ил. (Философия России первой половины XX в.). С. 448.

¹³ Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермичева. М.: РОССПЭН, 2012. 551 с.: ил. (Философия России первой половины XX в.).

¹⁴ Там же. С. 878.

¹⁵ Яковенко Б.В. Философия большевизма // Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. (Сер. «Слово о сущем»). 976 с. С. 878-926.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 51.

¹¹ Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. (Сер. «Слово о сущем»). 976 с. С. 274.

индивидуального и социально-политического экстремизма»¹⁸;

- «большевизм или максимализм – это одна из характернейших черт русской души, явственно и красноречиво сказывающаяся в великих и просто видных представителях русской жизни, истории и культуры»¹⁹;
- это «идейный и социально-политический комплекс», который следует понимать как «философию большевизма в точном и прямом значении этого слова»²⁰ и далее «эту философию можно охарактеризовать одним, чрезвычайно выразительным словом: это – материализм.., материализм метафизический»²¹.

Нам представляется важным подчеркнуть эти смысловые нюансы в понимании, так как в большинстве статей, где речь идет об отношении Яковенко к большевистской России, как правило, они не уточняются, следствием чего это отношение может быть превратно понятым. Более того, термин «большевизм» – одна из категорий, посредством которых русские баденцы выстраивают свои исторические концепции.

Б. Яковенко разделяет понятия большевистской философии и философии большевизма. Последняя, по его мнению, направлена «против экономического рабства, когда политическая свобода подменяет свободу вообще»; философия большевизма понимает работу «ради труда как самоопределения человека, как (труд) равного таким факторам бытия, как истина, добро, красота, а не ради заработка», она «несет с собою осуществление социального плюрализма, где... индивидуум является... вершителем государственного бытия»²².

Он критикует большевистское понимание общественной жизни и истории, которое базируется, по его мнению, на метафизическом материализме, крайнем детерминизме и носит сугубо экономический характер. «Свободная личность, творящая добро в рамках свободного общества, на базе свободного труда – вот, по-моему, то, чего надлежит достигать человеку, достижение чего составляет смысл жизни и, соответственно, я способен и согласен принимать и историческую жизнь человека и

человечества лишь как посильное выявление и утверждение ими добра в атмосфере борьбы свободы с необходимостью, насилием, эгоизмом и произволом. Я стало быть, решительно отвергаю материалистическое или узко экономическое понимание и жизни и истории... Играть там действительную роль материя может лишь в том случае, если одухотворяется, осмысливается идеями. Рычаги, факторы и мотивы жизни и истории – все до единого духовно – идеального порядка; самый труд является в жизни и истории человеческой могущественным фактором лишь постольку, поскольку он одухотворяется там, оплодотворяется и осмысливается великими идеями свободы и добра и действует у них в полнейшем подчинении»²³. Большевистские взгляды на историю, не имеющие ничего общего с наукой, по мнению философа, взгляды являются основой учения о неизбежности пролетарской революции. Это учение мыслитель, понимающий сущее как бесконечное многообразие, называет «сплющиванием» всего мира: «Большевистская философия дважды сплющивает весь мир: во-первых, как монизм; во-вторых, как монистический материализм. Она его этим обесцвечивает и фальсифицирует, ибо сущее – это бесконечное многообразие»²⁴.

В отличие от соратников по «Логосу», Яковенко пытается выстраивать свой взгляд на историю на основе трансцендентального плюрализма, лишённого субъективизма и психологизма. Но именно пытается, поскольку личное отношение и переживание исторической судьбы России ему никак не удаётся скрыть²⁵.

Не так давно вышла книга Б.В. Яковенко «История Великой русской революции». Это итог работы не только самого Яковенко, но и тех, кто смог восстановить из архивов и издать уже только в 2012 г. этот интересный труд. Интересен он тем, что это история, написанная философом: и не строго историческое исследование, не философский труд. Что же подвигло Яковенко взяться за эту работу? Нам думается, ответ на этот вопрос содержится в следующей цитате: «Дух революционности вошел в меня с первых же дней моей сознательной жизни и сделался одним из основных элементов моей души – и если я потом практиче-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Цитируется по: Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермичева. М.: РОССПЭН, 2012. 551 с. (Философия России первой половины XX в.). С. 459.

²⁴ Яковенко Б.В. Философия большевизма // Мошь философии. СПб.: Наука, 2000. (Сер. «Слово о сущем»). 976 с. С. 878-926.

²⁵ Там же.

ски непродолжительно и мало принимал участие в конкретной революционной работе, то духовно и теоретически я всегда жил идеей освобождения России от политического и социального гнёта и протестом против всех форм сковывавшего её самодержавного рабства. Мудрено ли, если зрелище разразившегося катаклизма будит во мне, рядом с чувством ужаса, горя и отвращения перед её низменными, дикими и безнравственными проявлениями, также и чувство глубокого удовлетворения в виду достигнутого разрешения поставленной великой задачи, а также энтузиазм перед мощно открывающимися в силу этого беспредельными перспективами в будущем? Русская революция есть также и мое детище; и я не могу, в конечном счете, смотреть на нее иначе, как любящими глазами, верящими и прощающими глазами матери.

Во-вторых, и моя жизненная философия есть философия революционная, философия всесторонней и всеобъемлющей свободы»²⁶. Нам представилось необходимым столь длинное цитирование еще и потому, что информации о себе Борис Валентинович оставил крайне мало, и вступительная статья книги является достаточно ценным в этом смысле свидетельством.

Итак, «...в плюралистической ориентации Б.В. Яковенко проявляется осознание необходимости критически распространить философскую рефлексию на весь опыт, т.е. во всех его проявлениях и во всем многообразии его предметности...как признак того, что в русском идеализме нарастает осознание необходимости новой ориентации»²⁷. Здесь нам представляется необходимым уточнить: о какой плюралистической ориентации, каком плюрализме идет речь? Яковенко говорит об онтологическом – взгляде на мир как на поливариантное, самоорганизующееся многообразие, несколько независимых начал бытия, где разные сущности организуются по единому признаку. Этот тип плюрализма свойственен и Риккерт, как он излагает его в «Системе философии»: три части мира – субъект (профизическое бытие), ценности (умопостигаемый мир), мир действительности – предполагают нечто трансцендентное, основание, которое можно мыслить лишь символически²⁸.

Вмногообразии исторического процесса Россия нашла свои собственные проявления. Это – крайности во всем. Прозабание под ярмом самодержавия – «экстремизм терпения», революционная борьба – «экстремизм освободительного энтузиазма». «Русский народ не знает средних решений, никогда не довольствовался и не довольствуется половинными достижениями...Русскому народу либо ничего не надо, либо подавай все сполна...»²⁹ здесь мы видим явную переключку со взглядами Степуна: «...большевизм – это географическая бескрайность и психологическая безмерность России. Это русские «мозги набекрень» и «исповедь горячего сердца вверх пятнами»; это исконное русское «ничего не хочу и ничего не желаю», это дикое «улюлюканье» наших борзятников, но и культурный нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискательство героев Достоевского. Было ясно, что большевизм – одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь, но и ее преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма»³⁰. Еще одно замечание по поводу истории: все доброе и ценное всегда рождалось в атмосфере злого и отвратительного, считает Яковенко, и это потому, что таков человек. «Принципиальная беспринципность» и «нравственный обскурантизм высшего напряжения»³¹ как основной практический принцип большевизма, в условиях цивилизационной отсталости России оказались актуальны.

Завершая исследование историософских взглядов, можно однозначно утверждать, что взгляды русских баденцев именно историсофичны, взяв за исходные критерии вышеозначенные место нахождения упорядочивающей составляющей и степень субъективности мыслителя в восприятии исторической динамики. Ценности, о которых говорит Гессен, безусловно подразумевающие наличие субъекта как носителя оценочного действия, вне- и надысторичны. Степунское постоянное переоформление надысторического содержания жизни в движении от предметных ценностей

²⁶ Цитируется по: Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермичева. М.: РОССПЭН, 2012. 551 с. (Философия России первой половины XX в.). С. 458.

²⁷ Яковенко Б.В. История русской философии. М.: Республика, 2003. С. 463.

²⁸ Излагается по: Риккерт // Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-на-

уч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин. М.: Мысль, 2000-2001.

²⁹ Там же. С. 915.

³⁰ Степун Ф. Мысли о России. Очерк I // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 205.

³¹ Яковенко Б.В. Философия большевизма // Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. (Сер. «Слово о сущем»). 976 с. С. 910.

к ценностям состояний также, как и его переживание исторической судьбы родины как своей собственной, характеризуют и его взгляды как историософские. Б.В. Яковенко не забывая об аналитическом методе Канта (его «Пролегомены»),

предполагающем восхождение от данного к его условиям, считает, что условия, благодаря которым возможна непохожесть российского исторического пути – это самоорганизующееся многообразие, несколько независимых начал бытия.

Список литературы:

1. Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермичева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 551 с.: ил. (Философия России первой половины XX в.).
2. Гессен С.И. Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 814 с.
3. Гессен С.И. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2004. (Антология гуманной педагогики).
4. Кантор В.К. Артистическая эпоха и её последствия (по страницам Фёдора Степуна) // Вопросы литературы. 1997. № 2.
5. Копцева Н.П. Некоторые концепты социальных идеалов русской философии Серебряного века // NB: Философские исследования. 2014. № 3. С. 47-59. (DOI: 10.7256/2306-0174.2014.3.11325. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_11325.html).
6. Мелих Ю.Б. Плюралистический большевизм Б.В. Яковенко: между научностью и убежденностью (Из истории социально-политических идей в России) // Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермичева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 551 с.: ил. (Философия России первой половины XX в.).
7. Повилайтис В.И. Что есть история? Версии русского зарубежья. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.
8. Риккерт // Новая философская энциклопедия: В 4-х тт. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин. М.: Мысль, 2000-2001.
9. Сиземская И.Н. Идеи национального мессианизма: ловушки и позитивные основания историософской рефлексии // NB: Философские исследования. 2013. № 6. С. 388-421. (DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.642. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_642.html).
10. Степун Ф. Мысли о России. Очерк V // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000.
11. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Изд-е 2-ое, испр. СПб., 2000.
12. Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Вступ. статья, составление и комментарии В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. 807,(9) с.
13. Степун Ф.А. Письмо Л.Ф. Зурову. Мюнхен, 14 апреля 1959 г. (Библиотека-фонд Русское зарубежье. Ф3, оп.1 к.2 ед. хр. 132).
14. Яковенко Б.В. История Великой русской революции: Февральско-мартовская революция и ее последствия / Подгот. текста и вступ. ст. А.М. Шитова; примеч. А.М. Шитова, О.Т. Ермишина. М.: Изд-во Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына / Викмо-М., 2013. 432 с.
15. Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. (Сер. «Слово о сущем»). 976 с.
16. Яковенко Б.В. Философия большевизма // Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. (Сер. «Слово о сущем»). 976 с. С. 878-926.

References (transliteration):

1. Boris Valentinovich Yakovenko / Pod red. A.A. Ermicheva. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. 551 s.: il. (Filosofiya Rossii pervoi poloviny XX v.).
2. Gessen S.I. Izbrannye sochineniya. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998. 814 s.
3. Gessen S.I. M.: Izdatel'skii Dom Shalvy Amonashvili, 2004. (Antologiya gumannoi pedagogiki).
4. Kantor V.K. Artisticheskaya epokha i ee posledstviya (po stranitsam Fedora Stepuna) // Voprosy literatury. 1997. № 2.
5. Koptseva N.P. Nekotorye kontsepty sotsial'nykh idealov russkoi filosofii Serebryanogo veka // NB: Filosofskie issledovaniya. 2014. № 3. S. 47-59. (DOI: 10.7256/2306-0174.2014.3.11325. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_11325.html).
6. Melikh Yu.B. Plyuralisticheskii bol'shevizm B.V. Yakovenko: mezhdru nauchnost'yu i ubezhdennost'yu (Iz istorii sotsial'no-politicheskikh idei v Rossii) // Boris Valentinovich Yakovenko / Pod red. A.A. Ermicheva. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. 551 s.: il. (Filosofiya Rossii pervoi poloviny XX v.).
7. Povilaitis V.I. Chto est' istoriya? Versii russkogo zarubezh'ya. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2009.
8. Rikkert // Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4-kh tt. / In-t filosofii RAN; Nats. obshchestv.-nauch. fond; Preds. nauchno-red. soveta V.S. Stepin. M.: Mysl', 2000-2001.
9. Sizemskaya I.N. Idei natsional'nogo messianizma: lovushki i pozitivnye osnovaniya istoriosofskoi refleksii // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 6. S. 388-421. (DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.642. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_642.html).
10. Stepun F. Mysli o Rossii. Ocherk V // Stepun F.A. Sochineniya. M.: ROSSPEN, 2000.
11. Stepun F.A. Byvshee i nesbyvsheesya. Izd-e 2-oe, ispr. SPb., 2000.
12. Stepun F.A. Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya / Vstup. stat'ya, sostavlenie i kommentarii V.K. Kantora. M.: Astrel', 2009. 807,(9) s.
13. Stepun F.A. Pis'mo L.F. Zurovu. Myunkhen, 14 aprelya 1959 g. (Biblioteka-fond Russkoe zarubezh'e. F3, op.1 k.2 ed. khr. 132).
14. Yakovenko B.V. Istoriya Velikoi russkoi revolyutsii: Fevral'sko-martovskaya revolyutsiya i ee posledstviya / Podgot. teksta i vstup. st. A.M. Shitova; primech. A.M. Shitova, O.T. Ermishina. Izd-vo Dom Russkogo Zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna / Vikmo-M., 2013. 432 s.
15. Yakovenko B.V. Moshch' filosofii. SPb.: Nauka, 2000. (Ser. «Slovo o sushchem»). 976 s.
16. Yakovenko B.V. Filosofiya bol'shevizma // Moshch' filosofii. SPb.: Nauka, 2000. (Ser. «Slovo o sushchem»). 976 s. S. 878-926.